

В. Ф. ОДОЕВСКИЙ

4338-й год

ФАЛТАСТНИЦКИЙ

РОМАН

Издательство «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

№ 188

Адрес: Москва, Спасская «СРЕДНЕВЕКОВЬЕ»

125 000 - 1000

ОТ РЕДАКТОРА

Массовое появление утопических романов является симптомом назревания социального кризиса. Отсюда вполне понятно, почему этот вид литературного творчества становится излюбленным в современном Западе, взволнованном предчувствием мировой революции. Вслед за Беллами (1891 г.) и Уэльсом, кажется, нет писателя, не попытавшегося в литературной форме от сущего подняться к должному. Эти произведения в большинстве неудачны, ибо современные утописты-мечтатели в своих астрономических романах и романах изобретений не пытаются, на основании экономического анализа современного положения мира, найти выход из социальных зол,—и возможность исхода видят лишь в техническом усовершенствовании.

Гауптман, Фаррер, Коллерус, Улиц, Синклер, Словак, Шефф и многие другие пробуют свои силы в создании утопий. За западными писателями следуют русские, и в последние годы целый ряд утопий появился среди наших книг: Богданов, Брюсов, Зозуля, Аросев, Ал. Толстой—все пытаются создать литературное провидение веков.

Русская литература в прошлом знает мало утопических произведений, а потому особый интерес представляет утопия примечательного писателя и общественного деятеля

прошлого века В. Ф. Одоевского—„4338-й год“, на которую вполне заслуженно, еще в 1912 году, обращал внимание П. Сакулин *).

Время создания этого интереснейшего произведения относится к 1837 — 1839 г.г. Отрывок из него был напечатан в альманахе В. Владиславлева „Утренняя Заря“ на 1840 г. **), а другие отрывки мы находим в бумагах Одоевского, хранящихся в Российской Публичной Библиотеке.

Эта утопия не закончена, несмотря на то, что к ней Одоевский возвращался в течение почти всей своей жизни.

„4338-й год“ представляет из себя третью часть предполагаемой трилогии, в первой части которой Одоевский хотел изобразить эпоху Петра Великого, во второй — современность (время написания утопии, т.-е. 30-е годы), а в третьей — Россию через 4.000 лет. Первая часть трилогии, вероятно, совсем не была написана, а вторая и третья написаны под общим заголовком: „Петербургские письма“***). Впоследствии Одоевский, повидимому, думал уже об утопии, как о самостоятельном произведении и подготовил предисловие, прилагаемое к нашему изданию, но все же утопии не закончил. Нам в связи с этим пришлось, дабы восстановить ее в возможно цельном виде, изменить, сравни-

*) „Русская Икарня“. Современник 1912 г. Кн. 12. См. также „Из истории русского идеализма“ т. I, ч. 2, стр. 178—202. Москва 1913 г.

***) Владимир Андреевич Владиславлев—литератор и жандармский офицер. Умер в 1856 г. Издавал „Утреннюю Зарю“ с 1839—43 г.г.

Цензурное разрешение альманаха на 1840-й год относится к 14 октября 1839 г.

***) Вторая часть была напечатана в „Моск. Наблюдателе“ за 1835 г. ч. I. стр. 55—69.

тельно с текстом „Утренней Зари“, нумерацию писем и вставить два письма из рукописей (первое и шестое в наш. изд.). Кроме того, с этими же целями, мы приложили два ранних варианта писем и наиболее интересные заметки утопического содержания, разбросанные в бумагах Одоевского *).

Рассматривая все материалы, относящиеся к утопии, мы прежде всего отметим ее явно субъективный характер, столь свойственный всему творчеству Одоевского. Если в „Путешествии в землю Офирскую г. С. извецкого дворянина“ князь М. Щербатов **) высказал заветные мечты и чаяния высшего дворянства о привилегиях, то Одоевский в „4338-м годе“ выражает личные жизненные симпатии и взгляды мыслителя-идеалиста.

Обращаясь к социальной стороне утопии, мы вместе с П. Сакулиным должны отметить, что воображение Одоевского не слишком далеко унеслось за пределы Николаевского государства. В России XLIV века всей страной правит „первый поет“—государь, управитель российской империи. Сохраняются в полной неприкосновенности классовые принципы и классовые неравенства — богатство и бедность, а также государственная бюрократическая организация с „мир-

*) Текст, который берется нами из рукописей, мы печатаем, сохраняя орфографические особенности подлинника, характерные для первой половины прошлого века. Кроме того, мы в этих частях сохраняем и своеобразную пунктуацию автора.

Печатать весь текст по черновым рукописям не представлялось возможным, ибо отдельные части утопии, находящиеся в „Утренней Заре“ в автографах не сохранились.

**) Род.—1733 ум.—1790 г.

ными судьями“, избираемыми из богатейших людей, и министерством „примирений“ во главе.

Единственно, что мы находим из области будущих социальных преобразований—это своеобразный „обеденный коммунизм“, столь характерный для большого гастронома Одоевского, — автора Лекций доктора Пуффа о кулинарии и домоводстве.

Социальная близорукость Одоевского, несмотря на то, что утопия написана в промежутке между революцией 1830 и 1848 г.,—времени наивысшего расцвета социальной фантастики, особенно бросается в глаза, если сопоставить его произведение с утопией Кабэ—„Путешествие в Икарию“, одновременно изданной во Франции*).

Причина этой близорукости кроется в том, что во время создания „4338 года“ Одоевский находился еще всецело во власти шеллингианства, а также философско-мистического идеализма и был далек от того научного реализма, к которому он подошел лишь в 50 — 60 годы. Вместе с последним в значительной мере изменились его общественно-политические взгляды и лишь тогда у него явился напряженный интерес к социальным вопросам.

К произведению Одоевского мы должны подойти ретроспективно, оно сможет тогда помочь уяснить культурный и социальный горизонт представителя передового дворянства николаевской эпохи.

Обращаясь к техническим мечтаниям Одоевского, мы должны отметить, что и здесь он не очень далеко ушел от тех возможностей, какие открывались человеку 30-х годов прошлого века, хотя, может быть, последнее, о чем он сам преду-

*) „Voyage en Icarie“ изд. в 1840 г. Кабэ род. 1788 г., ум. 1856 г.

преждает в предисловии, делалось им преднамеренно, дабы не заслужить обвинения в преувеличениях. XLIV век с технической стороны рисуется современному романисту совсем в иных перспективах, чем рисовался он Одоевскому. Нам вспоминается современный утопический роман Ганса Кристофа „Путешествие в будущее, роман относительности“, в котором изображается земля в 3530 году. В перспективе этого времени Кристоф впадает в пессимизм: уже нет машин, письменности, взаимного общения. Наступает подлинный закат, смерть вселенной. Также характерна утопия современного буржуазного романиста Эмиля Тонигера „Чистый источник“. В будущих веках жизнь на земле стала невозможной, и люди вынуждены уйти в ее глубины. Человеческое существование сохраняется исключительно благодаря высокой изобретательности. Эта жизнь безрадостна, утилитарна.

Наконец, любопытно сравнить одно из последних утопических произведений Ал. Толстого — „Союз пяти“ с „4338-м годом“. Ал. Толстой в качестве сюжета своей утопии берет те же события, что и Одоевский — прохождение кометы Биэлы через перигелий, которое происходит раз в 2500 лет. По его вычислениям это падает на 1933 год, накануне которого, так же как и в утопии Одоевского, разворачиваются события. Если в „4338-м году“ русские астрономы для предотвращения катастрофы столкновения собираются разбить комету стрельбой специальными снарядами, то в „Союзе пяти“ кучка авантюристов разбивает ядрами луну и распространяет слухи, что спутник земли столкнулся с кометой. Это совершается с тем, чтобы, воспользовавшись паникой в связи с грядущей ги-

белю вселенной, сконцентрировать все капиталы в руках Союза, выражающего в повести Ал. Толстого идею современного капитализма,—его авантюризм и империализм.

Это изменение и перевоплощение одного и того же сюжета, спустя почти 100 лет, автором, который вряд ли был знаком с произведением Одоевского,—чрезвычайно замечательно.

Наш XX век в свои юные 26 лет достиг во многом того, что относит Одоевский XLIV веку.

Гималайский и Каспийский туннель—и нам вспоминается, что в Англии поднят вопрос о построении туннеля через Ламанш. Телефон („магнетический телеграф“), фотография („камер-обскура“), электрические поезда („электроходы“) и проч.—все это давно вошло в обиход нашей жизни. В современном городе также заметно исчезновение лошади, вытесняемой авто: известия доносят нам, что в Париже в наши дни осталось лишь несколько десятков фиакров. Об объединении наук давно уже ратовали многие ученые, и, если бы мы сейчас заглянули в современную большую лабораторию, то увидели бы там то же „единство наук“, но, конечно, в иных формах, чем в утопии Одоевского. Наконец, современная техническая мысль также прикована к проблеме воздействия на погоду и междупланетных сообщений. Английский ученый Гернсбек рисует, правда, тоже в утопических тонах, такие мощные конструкции для тока высокого напряжения, которые, по его уверению, через 50 лет (во всяком случае не через 2400 лет!) будут воздвигнуты на крышах самых высоких зданий для рассеивания или собирания дождевых облаков. Наш же русский ученый Циолковский и американский физик проф. Годдард разработали проект

снаряда для междупланетных сообщений. Но во многом, в качестве тем наших дней, людей XX века, правда, не укутанных в „стеклянную епанчу“, встали такие вопросы, которые даже не могли возникнуть у человека прошлого столетия. В этом—оправдание несуразной отдаленности даты утопии.

При ознакомлении с „4338-м годом“ необходимо отметить, конечно, случайные, но чрезвычайно занимательные, совпадения с нашим днем по вопросу взаимоотношений России и Китая *). Здесь особый интерес представляет перелет китайского студента из Пекина в Петербург. В прошлом году мы все были очевидцами отважного перелета (правда, не в 8 дней) наших советских летчиков из Москвы в Пекин, также „верящих в силу науки и собственную бодрость духа“ и сразу же нашедших, несмотря на то, что „Пекин не имеет стеклянных крыш“,—место для своей посадки. На Китай же особо пристально направлены взоры всех трудящихся Союза, ибо Китай, следуя заветам Сун-Ят-Сена (а не Хун-Гина 3838-го года), пошел по тому же пути, как и Союз Советских Республик.

Делать анализ возможных литературных влияний на создание „4338-го года“ затруднительно, ибо почти невозможно выяснить, какие из утопий могли повлиять на создание этого произведения, в особенности, если мы учтем, что Одоевский владел не только всеми европейскими языками, но и древними. Нам кажется, что Одоевский является родо-

*) Одоевский, что видно по записям в бумагах, неоднократно задумывался о будущих судьбах Китая, интерес к которому у него не проходил, благодаря знакомству с известным синологом о. Иокнифом Бичуринным.

начальником современных романов в жанре Уэльса,—столь распространенных ныне фантазий из области техники будущего.

Своеобразное славянофильство, заставившее Одоевского поделить весь мир между Россией и Китаем, имело свои истоки в той империалистической политике, которая характеризует царствование Николая I.*).

По поводу нашего издания хочется сказать еще нечто. Я не житель русской Икарии XLIV столетия и мне не надо „удостоиться руки любезной“ путем важного открытия“, а потому, признаюсь, с чувством большого облегчения, согласно со специальными требованиями настоящего издания, я отказался от приложения всего рукописного материала, связанного с публикуемым текстом. Это тем более приятно, ибо меня крайне пугала возможность оказаться тем историком, который, по остроумному замечанию Одоевского, пишет в будущих веках целую книгу комментариев (может быть, это относимо и к данной небольшой статье) по поводу многих „видимостей“. Лишь возможность дальнейшего изучения, а также издания рукописей Одоевского заставила меня дать сведенные до минимума выноски под текстом и в конце приложить примечания.

Орест Цехновицер.

*) Исторические перспективы Одоевского, как видно из одной заметки, складывались в предположении, что будущая история разделится на следующие периоды: „Древняя от начала мира до Р. X. Средняя от Р. X. до разделения мира на Китай и Россию—и от разделения мира до наших времен“ 1).